

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИИ

РОК-Н-РОЛЛ
ПОД КРЕМЛЕМ

ШПИОН ИЗ ПРОШЛОГО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Рок-н-ролл под Кремлем. Шпион из прошлого : [роман] /Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-100881-9

При сносе московской гостиницы «Интурист» рабочие находят под полом аудиокассету с записью странного разговора и относят ее в ФСБ. Анализ показывает, что это запись вербовочной беседы, произошедшей тридцать лет назад. Молодой лейтенант Евсеев ведет розыск завербованного шпиона, который переплетается с приключениями диггеров в таинственных московских подземельях, работой ЦРУ, ищущего подходы к государственным секретам России, буднями проституток-лилипупов... В конце концов Евсеев находит шпионский прибор, установленный на одном из полигонов в семидесятые годы, производит арест высокопоставленного военного... Но тот ли это человек, которого завербовали три десятилетия назад?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100881-9 © Корецкий Д. А.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Июль 1972 года, Москва

Легкий ветерок колышет кумач огромного плаката на фасаде гостиницы «Москва» — товарищ Леонид Ильич Брежнев зовуще простер вперед руку и ободряюще говорит: «Верной дорогой идете, товарищи!» Правда, не то чтобы говорит — это написано внизу большими буквами, но и дураку ясно, что если бы так сказал В. И. Ленин или кто-то другой, то под товарищем Брежневым этих слов не написали бы! Значит, каждый видит, что сам руководитель партии и государства одобряет дорогу, избранную снующими внизу людьми.

Хотя дороги-то у всех разные: многочисленные приежжие с сумками, кульками и пакетами мечутся между «Елисеевским», «ГУМом», «ЦУМом» и «Детским миром»; неспешно прогуливаются в обеденный перерыв служащие многочисленных контор; переминаясь с ноги на ногу, томится унылая очередь у кафе «Космос», в обход которой представители «золотой молодежи» ныряют в стеклянную дверь беспрепятственно, если не считать препятствием недовольный ропот толпы, но толпа здесь ничего не решает, ибо решает все мордатый швейцар дядя Ваня — отставник из бывших служивых... Весело толкуются на «пяточке» между «Националем» и «Интуристом» симпатичные, праздничного вида девчонки, чуть подальше деловито переговариваются, привычно

4 осматриваясь по сторонам, фарцовщики и спекулянты — первые бизнесмены советской эпохи. Если верить плакату, а не верить ему нельзя, — вся эта публика тоже идет верной дорогой.

Глухой торец знаменитого «сталинского» дома по Горького, 6 украшает еще одно громадное полотнище: «Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь!» Собственно, Москва, как и любой советский город, насыщена кумачовыми полотнищами, которые не отличаются разнообразием: портреты В. И. Ленина и Л. И. Брежнева, призывы выполнить решения очередного съезда, заклинания типа: «Народ и партия едины»... Это идеологическая абстракция — столь же неконкретная, сколь и обязательная, фетиши незабываемой коммунистической эпохи.

Легкий ветерок лениво метет не слишком замусоренные тротуары, разгоняет над дорогой сизый дымок выхлопов немногочисленных пока еще машин. В основном это «Жигули», «Москвичи» и «Волги», изредка проносятся в Кремль или на Старую площадь «Чайки» небожителей, столь же редки иномарки с посольскими флажками и дипломатическими номерами — прохожие с любопытством оглядываются им вслед, собираются у «Интуриста», рассматривая «Мерседес» с немецкими номерами и «Мазду» с французскими.

Иностранцы издревле пользовались на Руси преференциями, и в Советском Союзе ничего не изменилось: они свободно поселяются в лучшие гостиницы, покупают в «Березках» виски, копченую колбасу, черную икру, туфли на «шпильках» и всякий другой дефицит, они посещают нашумевшие спектакли и концерты, на которые простому смертному путь заказан. Они чувствуют себя в Москве свободней и вольготней, чем сами москвичи, не говоря уже о вятичах, саратовцах и прочих периферийных гражданах СССР. Но не все так просто в этом мире: показная свобода и вольготность компенсируется незримым, но жестким надзором за каждым «иноком», чтобы не нашпионил, не растлил советских людей, не

нанес ущерба коммунистической идеологии или иным образом не напакостил проклятый капиталист светлому социалистическому миру.

Из-за угла тяжело вывернул огромный «интуристовский» автобус с очередной экскурсионной группой.

— Еще в четырнадцатом веке дорогу, ведущую на север от Кремля, называли Тверской. Дорогой в нашем современном понимании она, конечно, не была — обычный грязный проселок, кое-где покрытый настилом из бревен или хвороста. Но шли годы и столетия, город постепенно рос, выходил за пределы крепостных стен, дорога застраивалась жилыми домами и превращалась в улицу. В 1703 году царь Петр основал северную столицу империи, город Санкт-Петербург. Точка притяжения на севере сменилась, и улицу едва не переименовали в Петербургскую, но в конце концов оставили ей прежнее название. А уже к началу девятнадцатого века Тверская стала одной из главных улиц в Москве...

Девчонке-гиду на вид от силы двадцать два. Выпускной курс иныза, итоговая практика и доходящее до судорог стремление вырваться в большой мир, где неправильные английские глаголы мирно пасутся среди викторианских особняков и спрягаются на зеленых лужайках так и сяк без всяких видимых усилий. Да ради этого... Все что угодно.

Одними переводами на этой работе не обойтись, надо помогать тем, кто обеспечивает безопасность государства. Все переводчики это делают. Потому что иностранцы, особенно из капстран, а уж совсем особенно из цитадели зла, агрессии и расизма — Америки, это хищные волки, которых нельзя оставлять без присмотра среди доверчивых и беззащитных граждан СССР. Все они, волчары, под наблюдением и контролем, в невидимых ошейниках и на неосязаемых поводках...

А сейчас и вовсе положение особое — на инструктаже сказали: есть информация, что под видом мирного туриста прибудет настоящий шпион! Скорей всего, в

6 одной из летних групп. Для обычных москвичей это все нереально, как сказка:

У Большого Папы было трое деток. Старший — умный. Средний — хитрый. Младшая — смазливая. Нюги, попка, мордочка, глазки синие, все как у дорогой куклы. Ее так и прозвали — Лялечка. Среднего звали Иван. А старшего звали Свет-Голова. По правде говоря, деток у Большого Папы было гораздо больше, сосчитать их кто только не пробовал, да только не получалось. Но до остальных нам пока дела нет, а речь пойдет только об этой троице. Потому что объявился в тех краях большой серый Волк. Смотрит в окошко Большой Папы и видит: крадется серый, зубы — во, когти — во, через плечо сумка модная с надписью «Нью-Йорк Трэйвел». Глазами зыркает, скалится, напакостить хочет. Позвал Папа своих детишек и говорит: поймите-ка серого да расспросите, чего ему надо. Поймали они серого. Развели огонь, над огнем большой казан повесили. Варили Волкинга в разных водах. Лялечка в сладкой воде варила, Иван в кислой воде варил, а Свет-Голова — в горькой. Ничего не сварилось из Волкинга — ни киселя, ни пива, ни бульону. Удивились детки: как такое возможно? Стали они в затылках у себя чесать, литературу поднимать, а серый тем временем взял да и убежал. Искали они его, искали, а пока искали, серый Волк Большого Папочку за большой палец укусил, так что пришлось Папочке в клинику бежать и делать укол от бешенства. Тут бы и сказке конец, а кто слушал — молодец. Но не тут-то было. Не конец. А только самое начало.

Да, примерно так бы и выглядела эта история, адаптированная для старших групп детского сада. Или для людей взрослых, но далеких от разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Симпатичная переводчица и есть Лялечка, а остальных сыновей Большого Папы она не знает. Хотя о том, что они есть, — догадывается.

Девчонка смотрит во все глаза и слушает все-ми отверстиями, девчонка знает, что кроме нее эти группы *освещает* целая свора таких же, как она, но надо опередить всех! Она должна быть самой лучшей — вот только как?... Седьмая группа, а все без толку.

Девчонка вполне ничего. Даже то, что она волнуется и порой мучительно подыскивает слова, даже это ей идет. Но Кертис сказал, что это глухой номер, он дважды пытался к ней подкатиться, и дважды получал решительный отпор. Вообще-то они лишь вчера утром прилетели, а девчонку впервые увидели сорок минут назад, и как Кертису удалось столько успеть, было непонятно. У Кертиса длинные волосы до плеч, широкая грудная клетка и задница размером с мячик от пинг-понга, но у него ничего с этой девчонкой-гидом не получилось, «лузнул по полной», как говорит здешняя «золотая молодежь». И об этом он честно предупредил Спайка. За что Спайк его вежливо поблагодарил.

Спайк, хоть по рождению и воспитанию американец, уже никак не принадлежит к группе американцев — ни к этой, ни к другой, ни к пятой, ни к десятой. Теперь он только с виду волк: кожаная сумка через плечо, рубашечка-апаш, джинсики, потертые в меру. От стаи своей давно отбился, прикормлен собачьей едой, приучен к поводку и командам, и сердце у него — собачье.

Спайк — не родное дитя Большого Папы, а так... Друг человека. С теми же полномочиями и поручениями, что и у всех остальных на псарне: смотреть, слушать, выявить. И гавкнуть, если что. Спайк старается. Мешают злобный, воинствующий максимализм и выборочная щенячья восторженность души. С ходу возненавидел американца Кертиса Вульфа и влюбился в девчонку-гида. Разложить бы ее на немытом дощатом полу с широкими щелями...

— ...Вечер у танцмейстера Йогеля, где поэт познакомился с Натальей Гончаровой, проходил в особняке на Тверском бульваре...

8 Черные очки буквой V. С таким произношением она вполне могла бы работать в дилерской фирме где-нибудь в дебрях Коннектикута. Но вся группа, а это двенадцать человек (из них только две женщины), слушали ее лепет с большим, как это модно сейчас говорить, пиететом. Такие, как Кертис, иногда даже аплодировали, чтобы посмотреть, как она краснеет. Эти считали, что она чья-то дочка или любовница, потому ей и бросили жирный кусок в виде престижной и непыльной работы. Другие, люди более опытные, полагали, что девчонка связана с КГБ.

Про Спайка никто так не думал. Он легко ввинчивается в любую среду, он везде свой, особенно среди соотечественников. Не то что эти дворняжки — крутятся вокруг, язык на плечо, суетятся, трясучка их колотит, боятся, что засекут «обращение к иностранцу», — за это по головке не глядят: расконспирация — вот как называются такие проколы... В основном дворняжки бегают среди фарцы: так легче слиться с фоном, затеряться, да и доступ к иностранному телу получить легче...

Очередная остановка — и вот они: фарцовщики, валютчики, спекулянты — московский полусвет, разносчики особо мерзкого, столичного моветона. Глядя на них, иностранцы думают, что великие стройки социализма советской молодежи по фигу, а главное для них шмотки, жвачка, баксы... Что ж, каждому свое.

— Джинс, Вранглер! — дергает Файна за пиджак рыжий парень с длинным прыщавым лицом. Наверняка у него кличка «Фитиль». Думает, идиот, что наденет джинсы — и все девчонки упадут ему в объятия. Но у Файна джинсов нет, он предлагает чуингамм — целый блок. «Фитиль» хавает и это.

Вон какой-то красавчик-провинциал, ныряет, ныряет, шепчет по-английски с диким южнорусским акцентом: «*Rock and roll, Elvis... Tape, disc, anything... Please!...*» И кулачок с деньгами на груди. Эмлер лезет в пакет, у него есть пластинки. И таким счастьем загораются эти

глазки, когда кулачок освобождается, а взамен под мышку втискивается упакованная в невиданно яркий картон большая пластинка — настоящий Элвис Пресли, коллекция хитов, — так эти глазенки сверкают, да нет, тут не глазенки, тут глазищи, издалека видно, что голубые... По виду, по выправке и прическе — солдатик, выбежал в увольнение, как с цепи сорвался... Сдать его, что ли? Да нет, что толку, мелочевка... Штаны советские с мотней до колен, клеенчатые сандалии... А футболка — наверное, из бабкиных рейтуз перешил! Сиреневая. Неожиданно Спайк ощутил сильный и злобный укол собственного черного максимализма. Так, как радовался этот голубоглазенький провинциал вшивой пластинке, которую за три доллара можно купить хоть в Моксвилле, хоть в Коламбусе, он радоваться не мог. Похоже, никогда не мог. И вряд ли сможет...

Спайк прикрыл веки. Плевать. Его дело смотреть. Слушать. Вон еще пацан. Дитя совсем. Есть ему хоть двенадцать? Помешан на «Ситроенах», «Ланчах», «Фордах» и прочих. «Автоонанист». Снует, как серая тень, и каркает каждому в ухо: «Ка-а, ка-а». Открытки, значки, оборванные буклеты — что угодно, но чтобы было изображение авто известной марки. На груди, на белой совковой рубашке — выставка-стенд: два или три всамделишных значка, остальные вырезаны из бумаги, наклеены на картонку, заботливо покрыты лаком, втиснуты в английскую булавку... «Ка-а... Каа...» Кролик-малолетка. От каждого случайного прохожего шарахается, как от удава. Подойти, что ли, сказать, чтобы на затылки смотрел лучше? Гладко выбритый затылок, высокие виски, короткая стрижка — это сто процентов гэбэ или милиция. А остальные — хоть токарь, хоть пекарь, хоть секретарь райкома комсомола — уже нет, уже кудри или хоть «канадка» с гривкой... А может, он прав? Бояться надо всех.

О! Жан! Припоздился, однако. Молоток. Два беглых взгляда — и уже объял, обволок Кертиса Вульфа. Шикарно мордой хлопочет. Поток. Никто не вырвет-

10 ся. И Кертис не выскользнет, пока Жан — он же Иван, да еще, говорят, Иванович, — не высосет из него все, что запланировал. Гений. Сорок слов из английского, сорок слов из французского, морда, мимика, как у Чаплина, — и готов иностранишка, упакован, пронумерован. Ласковый такой вампир. Жутко обаятельный.

Еще минут пять — и вся эта мутота рассосется. Времени-то у них — только до автобуса. Вон — куколка-гид уже на ступеньки взобралась, чтобы всем нам было удобнее на нее любоваться:

— Отсюда, из самого сердца России, берет начало мощная артерия, у истока которой мы находимся...

Узкая ладошка показывает в сторону Красной площади. Это сердце, надо понимать. Группа Спайка только что оттуда. Теперь по артерии, словно компания тромбов, они направляются к периферийным органам.

Сердце России они осматривали с другим гидом — сухопарой женщиной средних лет, с длинным и унылым лицом. И экскурсия оказалась ей под стать. Собор Василия Блаженного с темными, зловещего вида переходами, напоминающими о заговорах и убийствах, Лобное место, окруженное аурой предсмертного ужаса казненных, Мавзолей с бледновосковой мумией вождя мирового пролетариата, некрополь в Кремлевской стене — все это не настраивало на веселый лад.

А потом их встретила эта девочка, и картина вмиг изменилась, засверкала всеми красками радуги.

— ...Пошел! Уже столпы заставы Белеют; вот уж по Тверско.

Возок несется чрез ухабы...

Под четырехстопный ямб «Евгения Онегина» группа погрузилась в автобус. Перед погружением Спайк «отксерокопировал» в памяти несколько лиц из числа зевак, столпившихся на почтительном расстоянии от группы.

Похоже, по-русски здесь понимают только двое: сам Спайк и немолодая женщина из Уолдасты, штат Нью-

Йорк. Ее дедушка держал кожевенную мастерскую под Смоленском, а прабабушка, крепостная крестьянка, играла в так называемом «домашнем театре» барона Гольцева. 11

Тронулись, поехали.

— В тридцать втором году на Белорусском вокзале жители Москвы встречали прибывшего с Капри великого пролетарского писателя Максима Горького...

Спайк вздохнул. Неплохо жили пролетарские писатели! Капри и сейчас один из самых дорогих курортов мира. Сам он не может себе позволить отпуск на этом чертовом острове!

— ...Вдоль всей Тверской улицы, по которой ехал писатель, стояли толпы восторженного народа. В том же году по просьбам трудящихся Тверская была переименована в улицу Горького...

— Как будто мало они хлебнули горького в своей жизни, — негромко произнесла женщина из Уолдасты. Пожалуй, больше никто в группе не понимает значения этого слова. Горький для них просто Gorky. Безвкусный, бессмысленный набор букв. Впрочем, как и для самих москвичей. Московская молодежь зовет улицу «Пешков-стрит».

За окнами проплыл стеклобетонный короб «Интуриста». Средоточие сладкой жизни с легким ароматом западной цивилизации. Вот уж где горьким и не пахнет... Спайк прислонился к стеклу, посмотрел наверх. Его интересовал номер на восьмом этаже, девятое от дальнего края окно. Еще недавно край одной занавески был завернут, чтобы с улицы был виден острый темный треугольник. Сейчас занавески плотно задернуты.

— А зачем он вернулся? — громко спросил Кертис, выковыривая зубочисткой жвачку между коренных зубов.

— Кто? — не поняла гид.

— Ваш этот... Макс Горки. Любимый галстук забыл, что ли?

Очень остроумно.

12 Какая-то несоветская суета царит на этой улице, и выглядят эти люди не очень по-советски. То есть... Нет, не так. Эти люди не по-советски *разные*. Вот провинциалы, облаченные в сатин и ватин, обитатели Нечерноземья, Сибири, Калмыкии и прочей тьмутаракани: ошалевшие, одуревшие, живущие позывами пищеварительного тракта, — они передвигаются от магазина к магазину большими сельдяными косяками, чтобы отнереститься и к вечеру исчезнуть. А вот уверенный в себе московский чиновный люд, узнаваемый по одежде восточноевропейского производства, считающейся здесь престижной... А вот трущиеся у дверей-вертушек «Интуриста» проститутки, похожие на студенток-отличниц, на порядочных домохозяек, на бакалавров и курсисток, — но только не на проституток, за сорок-пятьдесят долларов готовых умереть под вами. А вот в десятке метров тихо-мирно топчется тусня так называемых фарцовщиков. На английский это слово перевести также трудно, как и звенящую онегинскую строфу. В отчетах их называют «fartzovschik». Водка, спутник, матрешка, фарцовщик. И Горький. Gorky. А вот клубятся вымирающие в Европе хиппи и битники... а вот адепты известной среди московского бомонда полуподпольной «Коммуны Прозаиков»... а вот стайка пацанов, пришедших поглазеть на припаркованные у гостиницы иномарки... Плебеи и патриции, клошары и рантье, морлоки и элои. А в общем и целом — все, как и должно быть. Нормальный город. Нормальная улица. Как Бродвей в Нью-Йорке, как Унтер-ден-Линден в Берлине, как Оксфорд-стрит в Лондоне, как Чонро в Сеуле или Гластер в Гонконге...

Нет, не совсем нормальная. Не совсем. Здесь слишком много агентов КГБ. Пожилых и молодых, в болонье и спортивных пиджаках, в засаленных ветровках, обуженных юбках и модных туфлях-лодочках, и прочая, и прочая. Они всюду. Даже здесь, в автобусе. Растворены в достаточно серьезных пропорциях. Кертис, например. Да, Кертис. Самый говорливый, самый разуха-

бистый янки со жвачкой за щекой, душа компании. Спайк почему-то не сомневался, что он прописан в картотеке Кей Джи Би под каким-нибудь бессмысленным псевдо типа «Жеребец». Именно таких пачками снимают с одурманенных заморским алкоголем советских несовершеннолетних (тоже агентесс) и ставят перед выбором: или — или. Кертисы всегда выбирают правильно.

— ...железнодорожная ветка, соединяющая Москву и Ленинград, не совпадала с линией улицы Горького. Уже в двадцатых годах титул главной улицы оспаривала Мясницкая, улица торговая, купеческая, нэпманская...

На задних сиденьях запели «Калинку». Кертис, конечно, и еще двое парней. Риелтор из Дайтона-Бич и хиропрактик... кажется, из Атланты. Два молодых самоуверенных валета. Они только что осушили по сувенирной фляжке «Русской» и теперь хотят балалайку и праздник души. Девушка-гид деревянным голосом призвала их к порядку. Кертис игриво надувает щеки.

На бывшей Тверской-Ямской очередная недолгая остановка. Снова налетает фарца — многочисленная, напористая и наглая. Один из валетов продал зажигалку «Ронсон», второй, опасливо озираясь, сдал сто долларов. Женщина из Уолдасты, хоть и не собиралась, но продала блок «Мальборо» — иначе было не отцепиться... Хватали за руки и Спайка, но он процедил сквозь зубы: «Get out!» — и его оставили в покое.

Спайк посмотрел на часы и вытащил из заднего кармана джинсов помятые сигареты.

Еще два часа экскурсии. Как медленно тянется время. И как ему все это осточертело. Каждый раз одно и то же. Красная площадь, улица Горького, памятник Пушкину, площади Садового кольца, площади Бульварного, Ленинградский проспект... А потом еще Большой, а потом... Сотни раз! И он должен естественно изображать интерес первооткрывателя... Мама миа!

Паршивая работа.

14 Проходившая мимо высокая студентка — в брючках-бриджах и красной маечке-безрукавке — с любопытством смотрела на стайку иностранцев, сгрудившихся около красного «Даймлера»: автобус необычной марки, живые, настоящие иностранцы в ливайсах и бруксах, болбочущие на своем настоящем английском... Каждый из них — пропуск в настоящую, красивую жизнь...

И вдруг она поймала на себе чей-то тяжелый ненавидящий взгляд. Полноватый мужчина — тоже явно иностранец — стоял чуть в стороне от группы и разминал в пальцах сигарету. Он смотрел на нее. Смотрел так, словно вот-вот бросится и задушит голыми руками.

«Псих капиталистический, — подумала девушка, вдруг не на шутку испугавшись. — Или наркоман». Она тут же перешла на другую сторону улицы и, не оглядываясь, пошла прочь.

Спайк проводил ее взглядом, пока она не скрылась за углом. Потом закурил. «Московские тинейджерки, суки, — подумал он. — Терпеть не могу. *Ненавижу*».

С московскими тинейджерками у него давние счёты.

* * *

Что он увидел?

Почему так посмотрел?

Света Шаройко, московская красавица «семнадцать плюс-минус», быстро шла по улице, красиво ставя длинные ноги. От бедра.

— Девушка должна бросать мяч от плеча, а ходить от бедра, — постоянно твердил ее баскетбольный тренер Борис Иванович Руткин, высокий обрюзгший пьяница неопределенного возраста, невесть за какие грехи угодивший в ее родной занюханный шахтерский поселок.

Когда он брал в руки мяч, его огромное ожиревшее тело преображалось на глазах: мяч будто прилипал к ладони, глаза сверкали, он двигался к кольцу, как... Как

леопард, честное слово. Он вначале не хотел при- 15
нимать ее в свою баскетбольную секцию.

— Мелковата, убьют под кольцом, — говорил и по-
ворачивался спиной.

Она вскипала:

— Кого убьют?! Да у меня метр семьдесят пять!

Слово «убьют» в Горняцке никого не удивляло. Пар-
ни с пятнадцати лет носили вышлифованные из напиль-
ников да перекованные из рессор ножи, а уходить начи-
нали не с восемнадцати — в армию, а с шестнадцати — в
тюрьму. Благодаря этому местные власти закупили щи-
ты с кольцами, блестящие кожаные мячи, форму и от-
крыли в поселке баскетбольную секцию. В новом Доме
культуры выделили целое крыло: зал с настоящим пар-
кетным полом, раздевалки, душевые, где по понедель-
никам, средам и субботам — когда работала поселковая
баня, шла горячая вода!

Конечно, если бы поселковые парни просто носили с
собой финки, то ничего этого бы не было: ни мячей, ни
баскетбола, ни душевых... Но однажды, после танцев, за-
вязалась большая драка — верхнегорняцкие бились с ниж-
негорняцкими, вроде все как всегда — ан нет! На этот раз
сломались обычные правила и стерлась граница допусти-
мости бессмысленной пацанячьей «махаловки» — в ход
пошли сверкающие в тусклом свете фонарей самодельные
клинки... Сделали свое дело они не хуже фабричных — во-
семь драчунов так и остались лежать на залитой кровью,
черной от летучей угольной пыли горняцкой земле, да с
ними рядом — участковый Федулыч, контролер тетя Зина
да дядька Степы Мороза, который хотел увести домой пле-
мянника... Резонанс получился большой, а тут еще на дру-
гой день весь поселок на работу не вышел да ночью кто-то
спалил единственный продуктовый магазин, где, ко всему
прочему, продавалась еще и водка. Так уголовное дело по-
лучило неожиданную политическую окраску...

Советская власть была сильна, последовательна и де-
магогична. Тех, кто умер, — схоронили, кто не умер, —